

УДК 1(091):101.8

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.227

ФИЛОСОФСКИЙ МЕТОД А. БЕРГСОНА: МЕЖДУ ИНТРОСПЕКЦИЕЙ, ИНТУИЦИЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТОМ

Б.Л. Недяк

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

В статье предпринимается попытка реконструкции и определения философского метода Анри Бергсона. Обозначается проблематичность определения философского метода Бергсона как исключительно интуитивистского. Проводится критический разбор основных составляющих методологии А. Бергсона – интроспекции, интуиции, интеллекта и глубинной эмоции. Определяется методологическая последовательность применения этих способностей в постановке и решении философских проблем. Особое внимание уделяется концепции длительности, которая лежит в основе бергсоновского подхода, и роли интуиции как инструмента постижения реальности, превосходящего ограниченные возможности интеллекта. Анализируется, как интроспекция служит пропедевтикой к интуитивному познанию, а эмоция связывает индивидуальное сознание с социальной реальностью, приводя к ее творческому изменению. Делается вывод, что подход Бергсона к описанию соотношения способностей сознания не может привести к формированию метода философского познания в строгом или научном смысле этого слова, тем не менее он оказывается достаточно плодотворным для того, чтобы направлять философию к построению системного знания о сознании и его отношений с миром и Абсолютом.

Ключевые слова: интуиция, интеллект, длительность, интроспекция, эмоция, философский метод, Анри Бергсон.

По общепринятому мнению, основой философского метода Бергсона является интуиция. С тем, что интуиции в философии Бергсона отводится ключевое место, трудно спорить. Однако определение философской методологии Бергсона исключительно через интуицию является неполным. Не менее важную роль играет интеллект, который Бергсон, вопреки мнению многих критиков, высоко ценил, признавая его ограниченность в решении философских проблем. Не стоит упускать из виду и интроспекцию, ведь так или иначе множество великих идей возникло именно благодаря этому методу. Некоторые исследователи уже подчеркивали многогранность методологии Бергсона, однако необходимость ее реконструкции и переосмысления все еще остается актуальной.

Бергсон, не разделяя физикалистских оснований теории эволюции, в своей работе «Творческая эволюция» (1907) ставит проблему происхождения жизни в метафизическом ключе. Для ее решения философ, опираясь на

© Недяк Б.Л., 2025

идеи неклассической философии (прежде всего на метафизику воли А. Шопенгауэра и натурфилософию Ф. Шеллинга), предлагает понятие-метафору «жизненного порыва» (*élan vital*), придающую эволюционному процессу метафизическое измерение. Жизненный порыв, по сути, представляет собой сверхсознательную энергию, лежащую в основе органической жизни и направляющую ее творческое развитие. Он приводит к появлению живых существ и формирует способы их взаимодействия с реальностью. К таким способам Бергсон относит инстинкт, интеллект и интуицию. На разных линиях эволюции преобладают различные способности: животные взаимодействуют с окружающей средой преимущественно инстинктивно, тогда как люди – интеллектуально. Это означает, что животное, движимое инстинктом, в большей степени принадлежит природе и действует по предзаданной биологической программе «стимул–реакция», в то время как человек, опираясь на интеллект, воздействует на мир более творчески, прежде всего через производство и использование орудий труда.

Итак, интеллект как способность сознания взаимодействовать с окружающими предметами в целях выживания возник в процессе эволюции вида *Homo sapiens*. Однако Бергсон считает, что для полноценного познания мира одного интеллекта недостаточно: при попытке применить его не к статичным предметам, а к процессам, развивающимся во времени, он неизбежно сталкивается с неразрешимыми противоречиями.

В чем же заключается принципиальная ограниченность интеллекта? Отвечая на этот вопрос, Бергсон обращается к проблеме его генезиса. Поскольку интеллект порожден самой жизнью, которая определила его природу и функции, он направлен на обеспечение выживания органического существа, им обладающего. Поэтому жизнь отвела интеллекту роль воздействия на неорганическую материю, которая является вторичным бытием по отношению к жизни, имеющей духовную сущность. По мнению Бергсона, исток рационального мышления коренится в восприятии твердых и неподвижных материальных тел: «Человеческий интеллект чувствует себя привольно, пока он имеет дело с неподвижными предметами, в частности, с твердыми телами, в которых наши действия находят точку опоры, а наш труд – свои орудия. <...> Наши понятия сформировались по их образцу, и наша логика есть, по преимуществу, логика твердых тел» [4, с. 29].

Остановимся подробнее на характерных чертах, которыми Бергсон описывает природу интеллекта. Прежде всего, «наш интеллект, каким он выходит из рук природы, имеет главным своим объектом неорганизованное твердое тело» [4, с. 115] и, следовательно, сам уподобляется своему предмету, застывает в статичных формах (понятиях). Поскольку интеллект изолирует это тело от других подобных тел, «он ясно представляет себе только прерывное» [4, с. 116]. В его задачи не входит познание целого, он оперирует лишь частями. Но самое главное – это то, что интеллект отождествляет реальный предмет с его внешней формой, он не видит в предмете богатство

внутреннего содержания. Именно из-за этой особенности сущность времени и постоянно обновляющейся жизни остается для него сокрытой.

Но если интеллект характеризуется естественным непониманием жизни, то что же тогда должно обеспечить ее понимание? Для ответа на этот вопрос Бергсон обращается к инстинкту, который определяет действие органической субстанции, а не возникает из интеллектуальной рефлексии о реальности и о собственной деятельности. Он приходит к выводу, что инстинкт может стать основой для способности, позволяющей постичь, казалось бы, непостижимую тайну жизни.

Инстинкт лежит в основании жизнедеятельности живых существ, но у человека, в отличие от животного, более развит интеллект и, следовательно, самосознание. При всех недостатках интеллекта именно он характеризует человека как высшую форму эволюции жизни, это позволяет Бергсону предположить, что человек способен преодолеть слепоту животного инстинкта, соединяя его с интеллектом и как бы трансформируя в осознанное состояние. Таким образом, в человеке наличествует особая форма познания – интуиция: «инстинкт, ставший бескорыстным, осознающим самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно» [4, с. 131]. Она превосходит как животный инстинкт, так и интеллект, взаимодействующий с материей. Основываясь на инстинктивной погруженности в субстанцию жизни, интуиция сливает единичное человеческое сознание с общим потоком сверхсознания (жизненного порыва).

Интуиция, представляющая собой своего рода осознанную симпатию к своему предмету, отождествление с ним, открывает жизненный порыв для него самого и выводит человека в качественно новую, сверхинтеллектуальную область познания. В этой области сознание способно воспринимать бытие в его единстве и становлении, ощущать его энергию, которая наполняет и «подталкивает» все живое к развитию. Соответственно, философия, целью которой является всеобщее познание реальности, должна руководствоваться интуицией, а не интеллектом, на котором строит свою методологию наука. Таким образом, мы подошли к принципиально важному для Бергсона выводу, лежащему в основании его метода: философское познание действительности должно опираться на интуицию.

О том, является ли бергсоновская интуиция строгим философским методом, велись многочисленные споры. В частности, Ж. Делёз настаивал на том, что Бергсон разработал уникальную методологию философского исследования, и пишет об этом так: «Интуиция – это не чувство, не вдохновение и не неупорядоченная симпатия, а вполне развитый метод, причем один из наиболее полно разработанных методов в философии. Он подчиняется строгим правилам, которые обеспечивают то, что Бергсон называет “точностью” в философии» [8, р. 1]. В целом с этим выводом можно согласиться. Однако если принять утверждение Делёза о строгости правил интуитивного метода, возникает неизбежное противоречие. Ведь любой строго (т. е. рационально) выраженный метод в той или иной степени ограничивает

количество возможных результатов его применения. В частных науках это не только допустимо, но и необходимо, однако при исследовании систем, находящихся в непрерывном становлении, где каждое новое состояние не является полным повторением предыдущего, возникает потребность в ином подходе, не вполне совместимом с общепринятыми критериями достоверности, точности и повторяемости. Тщательно выверенная системная методология может быть построена на принципах работы интеллекта, но не интуиции. Поэтому, по словам И.И. Блауберг, «в философии Бергсона выстраиваются две цепочки: инстинкт – интуиция – философия и интеллект – наука» [5, с. 338]. Очевидно, что философия как сфера духовной деятельности человечества в своем историческом развитии обязана озарениям, невероятным с точки зрения рассудка, источником которых не могла бы быть строго регламентированная методология.

Тем не менее Бергсон все же формулирует некоторые правила для направления философского мышления. Например, в наиболее методологически ориентированном тексте – «Введении в метафизику» (1903) – он утверждает: «Философствовать – значит повернуть в обратную сторону привычное направление работы мысли» [1, с. 1210]. Иными словами, совершая усилие, следует отказаться от привычки мыслить аналитически, бесконечно разлагая предмет мысли и различая в нем все новые и новые элементы, нужно, напротив, раствориться в опыте проживания самой реальности этого предмета, вернувшись к его целостному восприятию.

Несмотря на открытую критику интеллектуализма, Бергсон не призывает полностью отказаться ни от классической формальной рациональности, ни от диалектического метода. Такой призыв был бы слишком опрометчивым. Интеллект все же остается неотъемлемым спутником интуиции, поддерживая и верифицируя ее творческие устремления. Поэтому критика интеллекта у Бергсона не носит одностороннего характера: он отдает себе отчет в том, что абсолютное (длящаяся реальность) не может быть познано без опосредования относительным (застывшей в восприятии вещью или словом). В связи с этим Бергсон утверждает: «Диалектика необходима, чтобы подвергнуть интуицию испытанию, а также для того, чтобы интуиция преломилась в понятиях и могла быть передана другим людям» [4, с. 173]. Таким образом, интеллектуальная рефлексия должна не предшествовать интуиции, а следовать за ней, соизмеряя идеи с реальностью и оформляя их в языке. В противном случае рефлексия рискует уничтожить порыв философского поиска в самом его истоке, лишив интуицию зрения и созидательного потенциала.

С учетом этого научный и философский методы могут взаимодополнять друг друга, избегая крайностей, присущих каждому из них в отдельности. И.И. Евлампиев, анализируя взгляды Бергсона на природу интеллекта, приходит к выводу, что философ предпринял успешную попытку реформирования научного познания. Эта попытка основана на идее, что наука будущего «должна выработать новую форму рациональности – неклассическую

рациональность, генетически связанную с традиционными формами рациональности, но преодолевающую их ограниченность в постижении абсолютной реальности» [6, с. 215]. Новая форма рациональности предполагает отказ от фиксации на строго определенных системах логических понятий и переход к разработке «текучей» системы понятий, более соответствующей интуиции и опыту длительности.

Исходя из этого тезиса, метафизическое знание обретает совершенно иной тип достоверности, опирающийся не на научную строгость, а на художественную образность [6, с. 218–221]. В этой области интеллект, тесно взаимодействуя с интуицией, способен проявить себя в радикально новом свете, сместив фокус взаимодействия с внешним миром на точку зрения, направленную на выражение глубочайших творческих эмоций, которые имеют важное объективное содержание – выражают постижение отдельной личностью абсолютного начала всего существующего. Как полагает Бергсон в работе «Два источника морали и религии» (1932), носители таких эмоций – открытые личности – способны к преобразованию общества не на основании политических программ и реформ, а своего рода психологически, демонстрируя принципиально иную модель морального поведения, укорененную не в норме закона, а в глубинном нравственном чувстве [2, с. 45].

Итак, интеллект и интуиция могут действовать сообща, в тесной взаимосвязи и координации. Однако, когда речь идет о философском методе, приоритет, по Бергсону, безусловно принадлежит интуиции, поскольку только она способна предоставить интеллекту творческий материал.

Какое же место в философском методе Анри Бергсона занимает интроспекция? Важно отметить, что интроспекция у Бергсона отличается от ее понимания как метода экспериментальной психологии конца XIX – начала XX в. Начиная с «Опыта о непосредственных данных сознания» (1889), Бергсон приписывает интроспекции одну конкретную цель – погружение сознания в его сущностную природу, в длительность, которую Бергсон определяет следующим образом: «Длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, не устанавливая различий между наличными состояниями и теми, что им предшествовали» [3, с. 105].

По мнению Бергсона, представление о пространстве, глубоко укорененное в восприятии внешнего мира, заставляет нас порождать искусственную модель своего сознания – модель психологического «Я» как дискретного набора отдельных психологических качеств. Это происходит потому, что особенности нашего восприятия заставляют нас накладывать на длящееся сознание статическую конструкцию «Я», которое подменяет собой глубинную динамичную природу человеческой личности. Бергсон описывает генезис Эго так: «Сознание, одержимое ненасытным желанием различать, заменяет реальность символом и видит ее лишь сквозь призму символов. Поскольку преломленное таким образом и разделенное на части “я” гораздо лучше удовлетворяет требованиям социальной жизни в целом и языка в

частности, сознание предпочитает его, постепенно теряя из виду наше основное "я"» [3, с. 105]. Несмотря на большое значение созданной психологической модели «Я» в нашей обыденной жизни, при обращении сознания внутрь себя обнаруживается принципиально иная психологическая инстанция – основное, или глубинное, «Я», которое Бергсон характеризует как целостное, непосредственное, спонтанное и свободное. Для возвращения сознания к его глубинной сущности Бергсон предлагает особый вид анализа, способный «отделить внутренние, живые психические состояния от их образа, сначала преломленного, а затем отвердевшего в однородном пространстве» [3, с. 105]. Иными словами, этот анализ позволяет отличить *понятие* или *представление* о себе от *длящейся субстанции* внутренней жизни.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что трактат «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889) служит пропедевтикой мышления с точки зрения концепции длительности – текстом, погружающим читателя в интроспективное состояние и обращающим его к глубинному «Я», которое является источником творческого мышления [7, с. 347]. По Бергсону, мы не можем понять время, обращаясь к предметам вне нашего сознания, поскольку наше внешнее восприятие всегда обусловлено вещами с пространственными характеристиками. Поэтому всякий раз, когда речь заходит об опыте переживания длительности, мыслитель призывает читателя погрузиться в себя: «Поищем в глубине самих себя такой пункт, где мы более всего чувствуем, что находимся внутри нашей собственной жизни. Тогда мы погрузимся в чистую длительность, в которой непрерывно действующее прошлое без конца набухает абсолютно новым настоящим» [4, с. 147]. Такое мышление, отталкивающееся от психологического измерения, по Бергсону, ведет к философскому познанию и является абсолютным, позволяя единичному сознанию раскрыть в себе способность к интуиции. При этом отличие интроспекции от интуиции зиждется на ее направленности на внутренний мир личности, а не на внешний мир. Методологическое назначение интроспекции состоит в своего рода пропедевтике интуитивного познания.

Так, абсолютное (становящееся, непосредственное, бесконечное), в отличие от относительного (пространственного, знакового, словесного, понятийного), познается через предварительное обращение сознания к самому себе. «Созерцаемое изнутри, абсолютное является, таким образом, вещью простой; рассматриваемое же извне, т. е. относительно другой вещи, оно становится по отношению к выражающим его знакам золотой монетой, размен которой на мелкую монету может продолжаться бесконечно» [1, с. 1175].

Исходя из этого, интроспекция является первым шагом философского метода Бергсона. Далее следует работа по преодолению интеллектуального, рассудочного взгляда на мир как на совокупность разобщенных, вневременных, неподвижных явлений и вещей. После того как сознание освоится в длительности и сможет удерживать понимание сущего как

потока обновляющейся во времени жизни, становится возможным философствование в том виде, в каком его представлял Бергсон. Интроспективное погружение в длительность позволяет философу обрести творческий локус – более глубокое, но при этом простое видение, простирающееся вдоль жизни. Такое видение, которое Бергсон и называл интуицией, можно считать вторым методологическим шагом, предполагающим эвристическое решение философских проблем. Наконец, в действие вступает интеллект – инстанция, отвечающая за критическую рефлексию возникшей идеи и соизмеряющая ее со здравым смыслом.

Отдельно стоит отметить, что в своей поздней работе «Два источника морали и религии» (1932), написанной после многих лет относительного молчания, Бергсон, разрабатывая собственную социальную теорию, вводит понятие *эмоции*, которое можно рассматривать как важный компонент его философского метода, дополняющий интроспекцию, интуицию и интеллект. Эмоция в понимании Бергсона – это не просто психологическое состояние, а глубокая метафизическая энергия, которая связывает индивида с абсолютной реальностью, подобно интуиции. Однако, в то время как интуиция по своему существу субъективна и индивидуальна, будучи укорененной во внутреннем опыте длительности, эмоция действует как объективно-социальная форма интуиции, способная соединять индивидуальное сознание отдельных личностей (Бергсон называет их *открытыми*) с коллективным опытом и трансформировать общественное сознание.

Бергсон в «Двух источниках морали и религии» (1932) определяет и описывает эмоцию следующим образом: «Эмоция – это стимулирующее средство, поскольку она побуждает ум к новым начинаниям, а волю – к упорству. <...> Эмоция – это аффективное потрясение души, но одно дело – возбуждение поверхности, другое – возмущение глубин. В первом случае результат рассеивается, во втором он остается нераздельным. В одном – это колебание частей без сдвига целого; в другом – целое продвигается вперед» [2, с. 32]. Далее Бергсон утверждает, что глубинные (духовные) эмоции, воплотившись в уже упомянутых открытых личностях, ведут к преобразованию социальной действительности, возникновению открытой морали. Последняя включает в себя мораль закрытую (мораль нормы и обязанности), однако принципиально шире ее, поскольку коренится в творческом импульсе самой жизни. В качестве примеров открытых личностей философ приводит религиозных пророков, святых, мистиков, но особенно выделяет великих литераторов [6, с. 260], поскольку литература как вид искусства наиболее способна к передаче духовных эмоций и наиболее эффективна в действии на сознание людей.

Методологически эмоция дополняет интуицию, внедряя внутренний опыт длительности в социальную реальность. В то время как интуиция позволяет философу постичь сущность действительности, эмоция позволяет этому пониманию передаваться и актуализироваться в обществе.

Таким образом, философия Анри Бергсона имплицитно содержит весьма оригинальный метод, состоящий из четырех понятийно-методологических составляющих: интроспекции, интуиции, интеллекта и глубинной эмоции. Интеллект не способен адекватно познавать мир без интуиции, которая предполагает как непосредственное понимание жизни, так и ее творческое преобразование, через эмоцию. При этом «главная» интуиция – это интуиция длительности, опыта проживания неделимого времени, иными словами, времени-качества, а не времени-количества. Такой опыт, по Бергсону, может быть достигнут только через углубленное вглядывание в самого себя, в ходе процесса движения «Я» психологического к своему глубинному «Я». Разумеется, подобный философский метод не может быть строгим, точным и универсальным, в противном случае он утратил бы статус философского, исключая возможность появления радикально новых идей и точек зрения. Поэтому метод Бергсона можно назвать открытым, или творческим. Творчество же предполагает свободу мышления, дерзновение и риск.

Список литературы

1. Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. В.А. Флерова, Н.П. Трубникова. М.: Харвест, 1999. С. 1172–1223.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2021. 288 с.
3. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. / пер. с фр. А.Г. Генисаретского. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 50–160.
4. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В.А. Флерова. М.: Академический проект, 2022. 319 с.
5. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 672 с.
6. Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 360 с.
7. Лосский Н.О. Интуитивная философия Бергсона // А. Бергсон: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. И.И. Евлампиева. СПб.: РХГА, 2014. С. 340–414.
8. Deleuze G. Le bergsonisme. Paris: Quadrige, 2004. 119 p.

H. BERGSON'S PHILOSOPHICAL METHOD: BETWEEN INTROSPECTION, INTUITION AND INTELLECT

B.L. Nediak

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg

The article attempts to reconstruct and define the philosophical method of Henri Bergson. It highlights the problematic nature of defining Bergson's philosophical method as exclusively intuitivist. A critical examination is undertaken of

the main components of Bergson's methodology—introspection, intuition, intellect, and deep emotion. The methodological sequence of applying these faculties in the formulation and resolution of philosophical problems is determined. Particular attention is given to the concept of duration, which lies at the core of Bergson's approach, and to the role of intuition as a tool for apprehending reality that surpasses the limited capacities of the intellect. The analysis explores how introspection serves as a propaedeutic to intuitive cognition, while emotion links individual consciousness with social reality, leading to its creative transformation. It is concluded that Bergson's approach to the description of the relationship between the abilities of consciousness cannot lead to the formation of a method of philosophical knowledge in the strict or scientific sense of the word; nevertheless, it turns out to be fruitful enough to guide philosophy towards the construction of systemic knowledge about consciousness and its relationship with the world and the Absolute.

Keywords: *intuition, intellect, duration, introspection, emotion, philosophical method, Henri Bergson.*

Об авторе:

НЕДЯК Богдан Леонидович – аспирант, Институт философии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург. E-mail: bogdannediak@gmail.com

Author information:

NEDIAK Bohdan Leonidovich – PhD student, Institute of Philosophy St.-Petersburg State University, Russian Federation, St.-Petersburg. E-mail: bogdannediak@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.08.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 20.09.2025.